

Молоко

Только надела и уже успела испачкаться. Когда?

Я надела эту футболку и пошла гулять. Она была чистой. И сухой. Кажется. Теперь намочла. Прошло 15 минут и на ней влажные пятна. Я заметила только сейчас. Эти капли. Типично. Или это вода. Высохнет. Тепло же.

Мы сидим на солнце на пляже. Я с голой грудью, тут так можно. Мы сидим, смотрим на воду, пьем воду.

Она спрашивает - что это? Я не понимаю. Вот тут, что это? Я вытираю капли с груди и смотрю вверх. Это какое-то дерево? Липа? Или что?

Сидим.

Потом снова. Она говорит - это что, молоко?

Я смеюсь. Какое молоко.

Я пробую. Это что-то солоноватое, не похоже на молоко. Или?

Я собираю эту жидкость с соска указательным пальцем, она теплая и неоднородная. Я подношу палец к ее губам. Это что-то соленое.

Это пройдет. Может это из-за того, что я перепутала с таблетками. Это пройдет.

Я вдыхаю запах солнца и этой водянисто-белой теплой жидкости. Это не слишком частое для меня чувство интереса и отвращения.

Это только 2 маленькие капли. Вот уже прекратилось. Почти.

Я надеваю футболку с затвердевшими желтоватыми растекшимися следами в районе груди. Это смешно, у меня молоко. Я женщина. Я говорю это подчеркнуто саркастично - я женщина. У меня идет молоко.

Я манифестирую свое отношение к женщинам только в особенных случаях: когда нужно пройти регистрацию в приложении, где можно выбрать только одну из двух опций и нельзя оставить поле пустым или когда я захожу в уборную в общественных местах. Хотя и тут существуют некоторые препятствия.

В стамбульском аэропорту наблюдательная дама не пускает меня в женскую уборную. Мне приходится пользоваться универсальным языком жестов. Я показываю грудь. А именно хватаюсь ладонями за так называемую область груди, карикатурно приподнимаю ее и улыбаюсь. Дама в аэропорту долго смеется и одобряет выбранное мною направление.

Go get it girl - думаю я про себя. Сообщество важная вещь.

Время спустя я представляю, как бы отреагировала наблюдательная дама, заметив пятна молока на моей футболке. Наверно так же. Возможно подумав в добавок, что я еще и не умею аккуратно есть.

Я родилась в месте и времени, где к человеку обращаются строго по своему усмотрению и внутреннему представлению о людях. Поэтому никогда не знаешь, как к тебе обратятся сегодня. Возможные варианты: «женщина», «девушка», «молодой человек», «э», «красавица», «ты вообще кто» или просто попытаются окликнуть тебя свистом. Ты можешь называть себя любыми местоимениями, но получишь то, что видят в тебе люди. Красота в глазах смотрящего.

Опять же, если тебя называли женщиной, это еще не значит, что тебе повезло. Обрати внимание на интонацию.

Иногда женщиной тебя называют, потому что ты нечаянно заняла чье-то место в очереди. И тогда ты та самая женщина, к которой обращаются с цоканьем и закатыванием глаз.

Или когда раздраженному человеку в споре нужно подчеркнуть, что ты уже не девушка, используя «женщину» как маркер преклонного возраста.

Или тебя называют женщиной, чтобы указать возникшую дистанцию между вами.

В глубине души ты и сама знаешь, какая ты женщина сегодня. Ты прошла интернет-тест по дороге на работу.

Сейчас я живу в другом месте и другом времени. Из моей груди идет молоко. Какая я женщина сегодня? Я женщина, которая бесплатно пробирается на платный пляж и ныряет топлес в охладевшее озеро.

Где-то это уже было.

Если в темноте я иду мимо группы людей, состоящей из не-женщин, я инстинктивно расправляю плечи и меняю походку.

В темноте мой рост и сложение позволяет мне мимикрировать под внешние обстоятельства. Притвориться.

Надо просто пройти мимо и не обращать внимания. Пройти мимо и снова включить музыку в наушниках. Пройти, не ускоряясь. Идти в темноте и не прислушиваться, не оборачиваться, не подавать вида. Не существовать. Просто идти.

Моя грудь болит и я фактически не могу лежать на животе.

Могу ли я вскармливать идущим из нее молоком свое неродившееся потомство?

Могу ли я исцелять им неизлечимые болезни? Предсказывать нашествие саранчи?

Могу ли я хотя бы добавлять его в кофе?

Я становлюсь чувствительной к любым прикосновениям и тканям.

Я из тех женщин, которые не носят бюстгалтеры, я феминистка и хочу чтобы об этом знали другие. Особенно не женщины. Особенно чтобы продемонстрировать свою независимость и неподчинение стандартам. Чтобы явить собой все

достижения феминизма и борьбы за равноправие, я так же не брею ноги. Ни у кого не остается сомнений, как ко мне обращаться - я либо феминистка, либо долговязый чувак.

Когда я училась в школе, парень из класса на два года старше называл меня Кощей.

Мне никогда не казалось, что это был буллинг: тогда я еще не знала этого слова, а сейчас я думаю, эта мифологическая фигура Кощей вполне отражает мое ощущение смерти, телесности и социальной роли. Хотя сомнительно, что школьник из 9го класса все это имел ввиду. Скорее ему не давало покоя мое андрогинное худощавое тело.

Вскоре этот же школьник из старших классов придумал мне новое название, я стала «протекшей». В подростковом возрасте у меня была очень сильная менструация и за 45-минутный урок кровь могла превысить вместимость самой большой прокладки олвейз и оказаться на моих брюках или как в том случае - на стуле в школьном классе.

Я помню, что этот стул был зеленого цвета, покрашен масляной краской и кровь так глубоко пробралась в текстуру стула, что после окончания урока, моя неудачная попытка вытереть ее подручными средствами была немедленно замечена этим парнем. Который, так сказать, «олвейз он тайм». И вот я уже протекшая. Сказанное один раз всегда можно повторить.

Конечно, рассказать эту историю кому-то в тот момент было невозможно, ведь все мы знаем, что менструация это постыдный выбор который совершают женщины, появившись на этот свет.

Сегодня я задаюсь вопросом, делали ли обильные месячные меня больше женщиной. Существует ли математическая модель, которая описывает взаимосвязь объема менструальной крови и женственности? Существует ли статистика, сколько менструальной крови вытекает каждую минуту на земле? Сколько школьных стульев сохраняют на себе отпечаток бурой жидкости?

Я помню этот стул, на его светло-зеленой поверхности осталось темное расплывчатое пятно. Приходя на уроки в этот класс, я всегда обращала внимание на стул, пятно сохранялось на нем, постепенно меняя контуры и оттенок, светлея в центре и увеличивая глубину цвета к краям. Походя на форму ракушки, оно все же становилось неизменным воспоминанием, символизирующим переход от мифологического существа к настоящей женщине. Ритуал, который был явлен глазам другого, а значит считается свершенным.

Еще за долго до того как я сама перешла в разряд женщин, я поняла что женщины меня привлекают. Меня привлекают сильные женщины, высокие женщины, женщины в хорошей физической форме, умные женщины, женщины худощавые, женщины с короткой стрижкой, женщины с жестким лицом, женщины которые

решают, женщины которые знают наизусть исторические даты, женщины смешные, женщины которые смотрят поверх тебя, женщины которые много курят, носят джинсы, умеют тянуть носок, женщины с низким голосом, светлыми длинными волосами, татуировками, женщины которые не меняют фамилию, носят черные очки, любят животных, играют в баскетбол, футбол, на фортепиано, делают сами себе пирсинг, ставят на колени пацанов из дворовой банды, грызут семечки, говорят об искусстве, пишут об искусстве, делают искусство, копают огород, женщины старше меня.

Можно сказать, это определенный тип женщин. Тех женщины, которые вызывали во мне интерес. На которых я бы сама хотела походить.

У меня идет молоко. Я чувствую эту жидкость выходящую из моего соска, и спускающуюся медленно вниз по моим ребрам, замечаю эту скатанную потрескавшуюся дорожку на моем теле. Жду пока капля нарастет на кончике соска, аккуратно снимаю мизинцем, чтобы не расплескать и выпиваю ее, пытаюсь языком распробовать в этой капле антропной жидкости молоко.

Она снова немного солоноватая, но теперь я могу почувствовать молочный вкус.

Вкус совсем даже не белой жидкости с легким привкусом молока и соли, я бы сказала, это похоже на то, как если бы я вернулась после тренировки и легла в молочную ванну. Думаю, был бы такой вкус. Вкус пота и молока.

Я пытаюсь сравнить этот вкус с вкусом моей крови, которая появляется от тычка ножом на фаланге пальца. Говорят, вкус крови - это вкус металла, красивый образ, но не мое ощущение от крови.

В этом молочном вкусе я хочу попытаться найти свое женское предназначение, найти что-то святое, что-то мироточащее.

Что-то про просветление, про смысл, про позолоченные рамы картин с нимбами. Смирительный взгляд, устремленный куда-то в сторону и вниз в глубину. Она все знает. Она смотрит сквозь тебя и знает все.

Мое тело становится мистическим организмом, которое принадлежит как будто уже не мне, а является частью всего мира, коллективной материей и знанием, памятью всех предыдущих поколений.

Я еду в трамвае до места, которое в разговоре теперь называю своим домом, места где есть кровать, ванна и я могу готовить кофе. Места, куда я хочу возвращаться. Места, куда я знаю дорогу, куда еду смотря в окно, слушая музыку на чужом для меня языке.

На остановке в полупустом трамвае сидение рядом со мной перестает быть пустым. На мое левое колено опускается рука, рука не знакомая мне. Рука обхватывает мою коленную чашечку, сжимает ее и остается на ней. Так спокойно и легитимно, что это почти невозможно назвать ...

Я не хочу приписывать этому жесту смысл, я бросаю взгляд на покрытую девушку, сидящую напротив меня, и перехожу на сидение трамвая позади.

Я чувствую это невозмутимое прикосновение на своей ноге, фантомный отпечаток ладони на своих джинсах, я ощущаю этот взгляд, это навязанное мне тепло от контакта с живым другим. Я замечаю, как во мне растёт отвращение и ярость. Я не могу это произнести, мой язык больше не моя сила. Мой язык больше не понятен здесь.

Не забывай дышать, говорят они, спокойно, не трать слишком много энергии. Расслабь плечи. Выдыхай.

Я выхожу на той же остановке. Иду следом. Дышу. На выдохе я бью в переносицу костяшками указательного и среднего пальцев. Так спокойно и легитимно.

Из носа брызжет, оседая мелкими каплями на воротнике и кроссовках, белое водянистое молоко.

Знаете, я вообще-то драматург. Правда, я даже училась этому. Училась на произведениях всех великих драматургов, которые писали о сложности жизни, о тоске, измене, раскаянии, об инцесте, пытках, душевных муках, самоубийстве, муках, птицах, отчаянии, свадьбах, войнах, неравноправии, несправедливости, неоднозначности, о других, о языке, о любви, поиске себя, о соседях, космосе, правде, деньгах, политике, отрубленных конечностях, даже о женщинах. Я не шучу. Потому что творческие люди умеют ухватить вот эту боль общества. Чтобы увидевшие это потом сказали - вот это про меня, про нас, все это очень откликается нам. Приятно когда тебя понимают.

Особенно хорошо про женщин знали драматурги мужчины. Но здесь драматург я.

А: о, небеса!

В: что-то случилось?

А: нет

В: что случилось?

А: ничего

В: я знаю, что что-то случилось, но не знаю что

А: от тебя ничего не скроешь

В: рассказывай

А: ну я...

В: что?

А: я...

В: говори уже

А: я теряюсь, я не знаю как

А тошнит, комок подбирается к горлу, А выbleвывает комок и плачет

В: я знал, что что-то не так

А вытирает рвоту с подбородка тыльной стороной ладони, глаза А сияют

В: ты вся сияешь

А: правда? я и не заметила

В пристально смотрит на А, из левого глаза А стекает слеза

В: ты вся сияешь

В повторяет это снова и снова, при каждом повторении из левого глаза А стекает слеза

В: ты плачешь? не грусти

А вся сияет

В: ну вот видишь

А поворачивает голову налево, чтобы не показывать как эмоционально А переживает этот эмоциональный момент

А: очень тяжело жить

В обнимает А

В: а теперь?

А снова улыбается и замечает как красиво рассвет освещает остатки блевоты на асфальте

А: посмотри, как красиво рассвет освещает остатки...

В: ты улыбаешься

А: все счастливые семьи похожи друг на друга...

В: ...каждая несчастливая семья несчастлива по-своему

А и В смотрят друг на друга, начинает идти дождь, А и В поднимают головы к небу, облака на небе выстраиваются в слово «капитализм». Или какое-нибудь другое важное слово. Главное не феминитив.

Я вспоминаю, как во втором классе я подралась с одноклассником. Наверно с появлением молока я становлюсь более сентиментальной.

Одноклассник с синяком под глазом вместе с его мамой пришли ко мне домой извиняться. Они стояли в коридоре и его мама говорила, что девочек бить нельзя. Никто не спорил. Я девочка, меня нельзя бить.

В том же коридоре я стояла несколько лет спустя, приехав после соревнований, где вышла на площадку на 5 минут на замену и сразу получила локтем в переносицу. Я впервые посмотрела на свое лицо в зеркало после этого случая только дома, в коридоре и очень гордилась собой, что спорт делает меня опасной. Пока что только для самой себя, ведь синяк красовался под моим глазом. Но все же это был момент приятного сюрприза, как будто распаковываешь подарок, а там заслуженный, долгожданный синяк под глазом.

К сожалению, синяк почти прошел к моменту, когда мне нужно было возвращаться в школу после выходных. Поэтому никто не заметил моего героизма и не спросил как я себя чувствую, не больно ли мне и как я осталась жива после такого мужественного сопротивления команде противника. Я бы ответила, что все в порядке, я даже не заметила. Этот почти отрепетированный разговор сохранился только в моей голове, ведь больше синяков под глазами у меня не было.

Да, героизм и жертвенность воспитывали в нас с раннего детства.

Если ты не пожертвовал ничем в этой жизни, то... Ладно, во-первых это не возможно, но все же. Если гипотетически ты не пожертвовал ничем в своей жизни, то это как минимум признак эгоизма, бессмысленного существования, нечистой совести, а так же бездуховности.

Там, откуда я родом, героизм и духовность идут вместе.

Там, откуда я родом, маскулинный и феминный героизм в корне отличаются.

В зависимости от биологического пола, полученного при рождении, ты можешь стать либо героем войны, либо матерью-героиней. Нужно быть исключением, чтобы поменять этот паттерн, а так же постоянно спорить со всеми адептами традиций.

Там, откуда я родом, традиции играют очень важную роль, ведь если нет традиций, то чему вообще доверять. Как не просить прощения на прощенное воскресенье, как не уважать старших, как позволять себе ошибаться, как не цитировать толстого, как не ассоциировать восьмое марта с нежностью и благоуханием, как выносить сор из избы, как перестать полагаться на фразеологизмы.

Вопрос про красоту синяка под глазом на женском лице остается открытым. Конечно, раньше я не думала, что это может быть признаком чего-то иного.

Чего-то, не имеющего отношения к участию в соревнованиях.

Чего-то иного, чем усталость. Пот. Горячее учащенное дыхание, издающее кисловатый запах. Чем боль в икрах. Царапины на руках от сильной хватки соперника. Чем выбитые распухшие пальцы. Сорванный голос. Духота. Звуки скольжения и ударов. Чем бесконечные аналогии.

Белая капля вновь появляется на моей груди. Я вытираю каплю молока и через несколько секунд она зарождается на другом соске, я вытираю и ее, но теперь на кончике первого соска уже растет новая капля, а рядом с ней капля поменьше.

Я становлюсь одержима каплей, которая созревает на кончике соска как подкожный прыщ, набирает объем и вес, и под силой набранного сползает осторожно вниз по телу, теряя форму.

Действие повторяется многократно. Снова и снова. Капля за каплей мое молоко светлеет.

Я иду по парку, где тишину разрезает пение соловья, чей-то смех, чье-то цокание, стрекотание сверчков, чьи-то шаги, чье-то не желание покоя.

Я замедляю шаг, замедляю дыхание, ход мыслей. Расту. Напрягая подушечки стопы, резко разгибая свой коленный сустав, я бью в коленную чашечку.

Теперь можно бежать. Бежать, глотая накопившийся во рту солоно-молочный вкус.

Когда мне было 13 лет я впервые села в машину к незнакомому человеку.

Я не была пьяной. Я возвращалась с массажа, где в очередной раз мне пытались выправить осанку.

Я не была уставшей. Мне нравилось ходить пешком из поликлиники до дома несколько километров.

Я не была глупой. Я просто не была выучена отказывать. Отказывать было не прилично, особенно когда человек настаивает, особенно когда он старше, особенно когда он мужчина.

В моей голове существовала следующая формула - надо быть хорошей, нельзя показывать людям, что мне что-то не нравится. Нельзя потенциально провоцировать ситуацию, где этот человек может оказаться знакомым моих родителей и пожаловаться им, что их дочь отказалась сесть в машину, обидев его добрые намерения и проявив невоспитанность. Мне не хотелось испытывать стыд, поэтому я села в машину.

В свои 13 я выглядела старше, да, это шаблон для подобных историй. Но здесь не будет шокирующего продолжения.

Я села в машину и вышла из нее у незнакомого дома. Я вышла у незнакомого дома, подождала пока машина уедет и пошла пешком дальше.

Мне нравилось ходить пешком больше, чем быть хорошей. Плюс так же в том, что в 13 лет у меня все еще не было заметной груди. Грудь вообще никогда не была моей сильной стороной. Но не теперь, теперь моя грудь напоминает о себе ежедневно, иногда ежечасно.

Я звоню маме и спрашиваю, болели ли у нее соски, когда было молоко, когда она кормила меня. Она отвечает, что нет, боли не было. Просто постоянно текло молоко и грудь надо было перевязывать.

Я все чаще вижу женщин, перевязывающих грудь, и это может не иметь никакого отношения к появлению молока. Я вижу в этом жесте возможность защиты и красоту.

Я не перевязываю грудь, я вдохновлена ею и принимаю произведенное ей молоко как часть себя.

После 13 моя грудь постепенно росла. Хоть и не стремительно, она увеличивалась в размерах и мне было доверено носить лифчики. И даже лифчики с эффектом пуш-ап. Это значит, что у меня дома было как минимум два лифчика. Два лифчика со стальными косточками, которые натирали тонкую кожу ровно над солнечным сплетением.

Иногда косточки протирали синтетическую материю и оставляли мелкие порезы на теле. Косточки приходилось запихивать обратно снова и снова, чтобы сохранить эффект поддержки груди.

Я помню, мне было около 14-15 лет, когда я гуляла одна по улице и со мной захотели познакомиться двое парней, выпускников радиотехнической академии. По крайней мере, они так о себе говорили.

Им было уже больше 20 лет, один из них в тот день получил разрешение на ношение оружия и они собирались это отметить. Мне казалось романтичным, что человек достигнув определенного возраста и состояния может носить оружие.

Хотя эти двое не были мне симпатичны, меня располагало, что со мной хотят общаться парни старше, один из которых вообще-то имеет разрешение на оружие. Но оказалось, меня не располагала настойчивость. Когда кто-то пытается проводить меня до дома в первый день знакомства. Когда кто-то просит номер телефона. Когда кто-то звонит в 4 утра на городской номер и трубку берет моя мама. Когда кто-то приходит ко мне домой в черной кожаной куртке и создает мне еще больше проблем, чем утренний звонок на городской номер.

Хотя я очень хотела увидеть настоящий пистолет, я не смогла больше пойти гулять с этими людьми. Не смогла разделить опыт взрослой жизни, говорить о возвышенном, о другом городе, об оружии и обретении уверенности от (возможности) его использования. Наверное так я это себе представляла.

Но ни одной из воображаемых связей девочки-подростка и мужчины с оружием не суждено было выстроиться.

Никаких мужчин, никакого оружия с тех пор. Почти.

Молоко продолжает появляться на моей груди. Я ношу черные футболки, на которых менее заметны хаотичные желтоватые капли. Я перестаю пробовать его на вкус. Я ощущаю его только на уровне жидкости, стекающей по моей коже.

Жидкости, неторопливодвигающейся по ребрам, цепляющейся за мелкие светлые волосинки на моем теле, ниспадающей на чрево мое, иссыхающей вблизи лона моего. Жидкости, напоминающей о моем ниспосланном предназначении.

Задолго до того как стать драматургом, я хотела быть театральным режиссером. Поэтому в 16 лет я пошла учиться в вуз, в названии которого есть слово «искусство».

Примерно в 21 год у меня открылись глаза. Я все еще хотела стать театральным режиссером, но, как оказалось, без обучения в престижной театральной академии не стать режиссером. Так же как не стать режиссером если ты родилась женщиной. Это известно всем в престижных театральных академиях. А исключения только подтверждают правила.

Конечно, я хотела быть исключением.

Когда мне было 25 лет, я познакомилась с профессором из престижной театральной академии и хотела поступать к нему на курс. Я ходила на его спектакли, я спрашивала, какую творческую программу лучше готовить для поступления.

Однажды он пригласил меня обсудить это к себе домой. Возможно тогда мне все еще хотелось быть хорошей. Возможно тогда я все еще думала, что нельзя

обижать добрые намерения и проявлять невоспитанность.

Я помню прокуренную квартиру на Ленинском проспекте. Я помню это было днем, он пил коньяк, курил, предлагал мне выпить с ним. Я помню, что хотела прочитать Цветаеву. Я помню, как он засовывал свой язык мне в рот. Помню, как больше всего мне не нравилась щетина на лице.

Я прокусываю его язык и чувствую вкус жидкости, сочащееся из его раны, смешанный со вкусом дешевого коньяка и сигарет. Я держу его, надавливая правым острым клыком сильнее, смотрю в его испуганные глаза. Неотпуская, сжимаю челюсти при каждой попытке движения. Жидкость из раненного языка стекает медленно, разбавленная слюной она меняет свою плотность.

Удивительно, сколько боли может причинить одно небольшое движение.

Одно правильное точечное давление на ноготь согнутого мизинца. Только одна деталь во всей вселенной, о которой хочется сегодня говорить. Точнее практиковать. Давить на ноготь согнутого мизинца так, чтобы боль из этой маленькой точки распространилась по всему телу.

Давить на ноготь мизинца. Нажать так, чтобы это стало шоком, чтобы от неожиданности твой противник потерял контроль.

Давить на одну маленькую точку, чтобы забрать контроль себе. Резкий точечный нажим, который создает необходимый эффект удивления, дает тебе время и возможность исполнить следующий прием.

Вопрос для обсуждения - провоцирует ли знание, что женщина может дать сдачи, насилие в отношении нее или же теоретическая опасность со стороны женщины дает возможность избежать насилия.

Я думаю об этом, ковыряя сгусток крови, запекшийся в уголке рта. Это точно не металл.

Если не нравится прием давления на ноготь мизинца, что мне конечно сложно понять, но все же... Если не нравится по какой-то причине этот прием, тогда можно использовать мизинец или же другой палец руки как рычаг и направить сустав по той траектории, по которой он двигаться не должен. Опять же применяется как контрприем от захвата, в основном не требует силы, работает скорее с неожиданностью, поэтому действует как временное отвлечение.

Или уже запястье. Поворачиваешь запястье и ребром резко вниз, чуть приседаешь в этот момент. Резко, но расслаблено, без напряжения. Это не про силу.

Но главное улыбаться.

Главное сохранять доброжелательный вид.

Дышать. Улыбаться. Излучать воспитанность и добродушие, демонстрировать свою ранимость. Быть хорошей. Легкой. Не показывать им, что тебе что-то не нравится. Но ты и так все знаешь. Ты с этим родилась. Это твоя биологическая сущность. Твоя социальная роль. Натура твоя.

И делаешь ты это не потому что кто-то твою семью обидел или ребенка или кого-то там еще, а чтобы постоять за себя.

Улыбнись, тогда никто ничего не заподозрит. Улыбка, шок, удар.

Во всем можно найти красоту драматургии.

А: знаешь...

В: да. Что?

А: я...

В: говори, я тебя слушаю

А: я...

В: что ты хочешь сказать?

А: подожди...

В: я жду, говори

А: ты...

В: нет-нет, не надо слов. Я и так все знаю

А кружится, подняв руки к небесам. А плачет и смеется одновременно. Кружится, падает, потом снова встает, кружится дальше. Распускает волосы, кружится, блюет, смеется и плачет, кружится.

В какой-то момент А останавливается. Кажется, она все поняла

А: так, я не поняла

В: что?

А: так не пойдет

В: как?

В задумывается на мгновение. Ветер раздувает пряди волос В

В: а как же я? Я ведь тоже страдаю

В плачет, не закрывая лицо руками

А: мне жаль

В плачет сильнее

В: я ведь тоже стра...

А: это вообще не про тебя

В плачет, слезы застилают его лицо. От слез В больше не может говорить, но все еще пытается

В: нпчм нааа

А гладит В по плечу

В: тж чек и надомн съются что мщина и...

А гладит В по плечу. А теребит волосы В. Трогает бедра В

В: не спвдли ааа!

А трогает бедра В

А: тихо...

В: пчмне праедлваа!

А прикладывает указательный палец к своим губам. В замолкает

А: это не просто, да. Но ты знаешь, вся красота жизни складывается из тени и света. Так?

Облака на небе просто плывут. А уходит в сторону, противоположную закату

Мое молоко не поддается контролю, в этом действе нет цикличности, я не могу предугадать интенсивность.

Иногда я вижу как на соске появляется одна очень маленькая капля, а рядом с ней капля крупнее.

Иногда я то и дело провожу рукой под футболкой, чувствуя как капля прокатывается по коже.

Иногда я почти забываю о своем молоке, убеждая себя, что эта художественная акция закончилась, что искусство не вечно.

Иногда я делаю серию томных фотографий с каплями молока на моих сосках. Я сохраняю белую футболку с подтеками как объект искусства, нагруженный неподдельной искренностью и способный к монетизации.

Иногда я снова даю попробовать ей. Я спрашиваю: Теперь кажется более молочное, да? Теперь кажется это просто молоко?

Иногда я сжимаю свой сосок, чтобы увидеть еле заметную точку, из которой тело выпускает жидкость наружу.

Иногда я обнаруживаю, что молоко идет лишь с одной стороны.

Иногда капля дразняще стекает из соска вниз, скользит медленно по груди и оставляет мелкие мурашки на коже. Я пытаюсь стереть эту каплю, остановить тыльной стороной ладони, но она остается сухой. Моя ладонь сухая.

Грудь не производит никакой заметной жидкости. Никакого молока. Мое тело лишь регенерирует воспоминания.

В темноте я иду мимо группы людей, состоящей из. Я иду мимо людей. Инстинктивно расправляю плечи. В темноте я меняю походку. Слышу чьи-то. В темноте я иду. Моя грудь не. В темноте кто-то пытается. Я молчу. Чей-то голос. Нужно идти не оборачиваясь. Чей-то. Прислушаться. В темноте. Чья-то рука. Нужно идти. Нужно.

В темноте я останавливаюсь. Смотрю прямо в глаза. Слегка улыбаюсь. Расслабив плечи, я складываю свои ладони для удара и.